

Правозащитник Евгений Федорко, вскрывший гнойник под названием «Почта России», вполне достоин, на наш взгляд, титула «Человек года». Во-первых, он сумел довести до суда дело зарвавшегося руководителя камчатского филиала самой медленной почты в мире Владимира Чечикова. Во-вторых, на весь мир выставил на посмешище местное управление службы судебных приставов, когда в ответ на абсурдное обвинение с их стороны заставил расследовать дело в отношении великого писателя Федора Достоевского.

Мертвые души

Федор Михайлович Достоевский умер, но дело его живет. Правозащитник Евгений Федорко, назвавший в ходе судебного процесса своего оппонента «идиотом» и обвиненный после этого в неуважении к суду, продолжает добиваться справедливости. Уголовное дело в отношении Евгения Николаевича прекратили в связи с истечением срока давности. Сам он хочет другой, полностью реабилитирующей его формулировки. История, которая этим летом облетела не только российские, но и мировые СМИ, только на первый взгляд может показаться безобидным чудачеством экстравагантного человека. Если не знать, кого именно и в каком именно процессе якобы оскорбил Евгений Федорко. На самом деле он отстаивает собственную принципиальную позицию по громкому уголовному делу, где до сих пор вопросов остается больше, чем ответов. 18 ноября 2011 года именем Российской Федерации руководитель Камчатского филиала ФГУП «Почта России» Владимир Чечиков был признан виновным в мошенничестве, а также подделке документов. Ему инкриминировалось два эпизода. Во-первых, он фиктивно принял на работу советника и ежемесячно получал за «мертвую душу» жалованье по зарплатной банковской карте. Во-вторых, незаконно получал компенсацию за аренду жилья. Приговорили Чечикова к четырем годам колонии общего режима, но кассационная инстанция уменьшила срок на два месяца. Казалось бы, человек, обжесточивший свое предприятие и официально признанный судом жуликом и вором, получил по заслугам. Если бы не одна загвоздка: «Почта России», которой был нанесен только доказанный ущерб на сумму около двух миллионов рублей, категорически отказалась в ходе процесса признать себя потерпевшей стороной. Более того, федеральное гос-предприятие активно настаивало на прекращении уголовного преследования Чечикова. Дескать, должности «мертвых душ» были согласованы, работа выполнена, а сумма компенсации за жилье установлена руководством. Сам подсудимый вину также не признал.

Несмотря на последнее обстоятельство, в июле нынешнего года мошенник Чечиков условно-досрочно вышел на свободу. Кто только не просил за него! От ассоциации страйкбола до православной епархии.

Когда суд рассматривал ходатайство об УДО, Чечиков и впрямь предстал едва ли не святым. «Твердо стал на путь исправления, имеет несколько поощрений и ни одного взыскания, соблюдает правила пожарной безопасности, в азартные игры не играет, жаргоном не владеет, воровские традиции не поддерживает, посещает библиотеку, выучился на слесаря-сантехника и электромонтера», – это лишь малая часть из характеристики, представленной служителям Фемиды.

У дверей зала суда освобожденного узника радостно встречали и горячо приветствовали около десятка сотрудников и сотрудниц камчатской почты. Сам он был

вызван в Москву и немедленно назначен на высокий пост в ревизионной комиссии ФГУП «Почта России». Видимо, для того, чтобы со знанием дела разоблачать тех, кто ворует. Непонятно, как такой добропорядочный и почти законопослушный гражданин вообще мог оказаться за решеткой? Учитывая позицию его работодателей, он никогда бы там и не оказался, если бы не сотрудница регионального филиала «Почты России» Ирина Маслова, которая и вывела Владимира Чечикова на чистую воду. По уголовному делу она проходила свидетелем, а ее законным представителем как раз и являлся Евгений Федорко.

Слово за слово

Ирина Маслова, в отличие от многих своих коллег, стиль работы и методы руководства камчатской почты не приветствовала. И в какой-то момент отказалась выполнять требования Владимира Чечикова о приеме на работу очередных «мертвых душ». В результате, как показала Маслова в суде, начальник прямо сказал ей: все революции заканчиваются на улице, и она будет уволена.

После этого Чечиков стал открыто преследовать непокорную сотрудницу, создавая ей невыносимые условия работы и придумывая разнообразные наказания. Характерный пример. Однажды он потребовал от Масловой в четырехчасовой срок переделать графики работы возглавляемых ею подразделений, в то время как она выполняла другую, более срочную и важную работу. Заведомо невыполнимое поручение не было исполнено, и тогда Маслова была привлечена к дисциплинарной ответственности. Семь раз петропавловский городской суд признавал нарушение трудовых прав Ирины Масловой, но все не впрок. Говорят, что когда после увольнения суд восстановил ее на работе, рабочий стол женщины вынесли в коридор, якобы, из-за недостатка производственных помещений. Смысл публичного унижения только в том, чтобы показать: так будет с каждым, кто осмелится перечить Чечикову.

Женщину не только третировали на работе. Как утверждает Евгений Федорко, начиная с октября 2009 года, Чечиков стал звонить ей домой, угрожать и говорить гадости.

Присылал, по словам защитника, и sms-сообщения аналогичного содержания.

Сам Евгений Николаевич Федорко известен на Камчатке как человек, который за словом в карман не лезет. И, выступая в прениях по делу Чечикова, прямо заявил, что подсудимый «по отношению к Масловой вел себя как урод». Именно после этого правозащитник впервые предстал перед судом за оскорбление.

Здесь следует отметить, что уже после рассмотрения дела Евгения Федорко, данная статья утратила силу. Понятие «оскорбление» было декриминализовано и переведено в область гражданских правовых отношений. Но тогда данное положение Уголовного Кодекса РФ еще действовало. Оскорбление, как преступление, должно было быть выражено в неприличной, циничной форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе.

Причем, в отличие от клеветы, при оскорблении не имело значения, соответствует ли действительности отрицательная оценка личности пострадавшего. Если назвать подонка «подонком», даже если он действительно подонок, то следовало готовиться к крупному штрафу или исправительным работам.

Впрочем, дело не получило большого резонанса. Федорко оправдали за отсутствием в его действиях состава преступления. Статья 130 УК РФ, по которой его обвиняли, говорит, что «оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица,

выраженное в неприличной форме». А слово «урод» само по себе неприличным не является. Оно вполне цензурное и всего лишь обозначает человека с внешним уродством или отрицательными свойствами.

Кроме того, судебная практика, которая наработана в России по таким делам, делает однозначный вывод: если какое-то обидное сравнение не относится к личности данного человека, а представляет собой оценку его производственной деятельности, то состав преступления по статье 130 отсутствует.

Получив оправдательный вердикт мирового судьи, Евгений Федорко и вовсе перестал выбирать выражения. Будучи убежденным в виновности Чечикова, а также отстаивая интересы оскорбленной Ирины Масловой, в какой-то момент он вышел из себя. Тогда и прозвучало в зале суда название бессмертного романа Достоевского. Адресован медицинский термин был, как нетрудно догадаться именно бывшему руководителю камчатской почты.

Евгений Федорко, конечно, выпалил в адрес подсудимого слово «идиот» сгоряча. Но разве у него не было оснований для такого определения? Можно ли назвать иначе человека, который, принимая на работу сотрудниц, интересовался, не требуется ли помощь их мужьям? Как мы понимаем, речь шла не о содействии в приколачивании полочки на кухне. О полочках не спрашивают с масляными глазами.

Классики и современники

После этой эмоциональной реплики и началось то, что заставило всю мировую прессу стонать от восторга. Судебный пристав Евгений Иванов из отдела по обеспечению установленного порядка деятельности судов написал рапорт о том, что брошенное в зале судебного заседания слово содержит в себе признаки преступления, предусмотренного частью 1 статьи 297 УК РФ «Неуважение к суду, выраженное в оскорблении участников судебного разбирательства».

Таких случаев в судах общей юрисдикции полно. И судья, председательствующий на заседании, где случилось подобное, имеет множество способов, чтобы призвать нарушителя к порядку. Ему можно сделать замечание, указать на дверь, оштрафовать или подверг-

нуть административному аресту. На этом пустяковый инцидент, как правило, исчерпывается. Судья Светлана Бобкова так и сделала, объявив Федорко замечание. Но пристав, проявив инициативу, сделал все, чтобы подставить УФССП под сокрушительный удар. Пресс-служба камчатского управления службы судебных приставов потом долго оправдывалась. Дескать, пристав был просто обязан донести на того, кто неподобающе, с его точки зрения, ведет себя в зале суда. Будто не председательствующий в процессе судья руководит ходом слушаний, а он, пристав Евгений Иванов, отработавший к тому моменту в отделе по обеспечению установленного порядка деятельности судов чуть больше двух с половиной месяцев. Мания величия? К сведению Евгения Юрьевича Иванова, чей нежный слух покорило высказывание Евгения Федорко, слово «идиот» (от греческого *idiotos*) первоначально не содержало даже намека на психическую болезнь. В Древней Греции оно обозначало «частное лицо, отдельный, обособленный человек». Не секрет, что древние греки относились к общественной жизни очень ответственно и называли себя «политэс». Тех же, кто от участия в политике уклонялся (например, не ходил на голосования), называли «идиотэс» (то есть, занятыми только своими личными, узкими интересами). Естественно, идиотов

сознательные граждане не уважали, и вскоре это слово обросло новыми пренебрежительными оттенками – ограниченный, неразвитый, невежественный человек.

Евгений Федорко не замедлил нанести удар приставам. Он мог бы оговориться, что имел в виду не уничижительное, а именно медицинское значение произнесенного им слова. Мол, это не оскорбление, а диагноз. Но правозащитник из принципа поступил иначе. Написал заявление о подстрекательстве к совершению преступления следующего содержания: «О существовании слова «идиот» я узнал из курса школьной программы, в частности, романа Ф. М. Достоевского «Идиот». По мнению дознавателя, совпадающему с мнением заместителя прокурора Петропавловска-Камчатского, слово «идиот» является бранным, оскорбительным, следовательно, содержащим неприличную форму. По их мнению, употребление в общественном месте слова «идиот» недопустимо и считается преступлением, которое они мне вменили. Причиной, способствовавшей совершению мной этого преступления, явилось тлетворное влияние на меня романа Ф. М. Достоевского. Поэтому считаю своим долгом, как гражданина РФ, сообщить нашим доблестным защитникам правопорядка о лицах, способствовавших совершению мной этого преступления. Это уже указанный мной выше, ныне покойный Достоевский, царствие ему небесное. На основании изложенного прошу возбудить уголовное дело в отношении Достоевского Ф. М., как подстрекателя к совершению преступления».

Как ни крути, приставам пришлось по данному заявлению проводить проверку. В пресс-службе ведомства говорят: каким бы ни было заявление, проверить его обязаны. И несколько месяцев выясняли, жив ли классик русской литературы, и если жив, то нельзя ли его упечь за решетку. Можно ли после этого назвать «идиотами» сотрудников УФССП,- каждый может решить сам для себя.

Достоевского в итоге судить не стали. Классик давно скончался. Евгений Федорко также не предстал перед судом. Дело прекратили за истечением срока давности, но самого правозащитника это не устроило. Подобная мотивировка не реабилитирует обвиняемого. Она свидетельствует лишь о том, что с момента совершения преступления прошло слишком много времени, чтобы за него судить. По словам Федорко, он и далее станет добиваться своего полного оправдания.

Абсурдное обвинение повлекло за собой абсурдное уголовное дело. Два года следственная машина титаническими усилиями пыталась привлечь к ответственности Евгения Федорко. Была назначена даже лингвистическая экспертиза, к которой, в частности, были предъявлены следующие вопросы: «Какое значение в русском языке имеет слово «идиот?»», «Имеется ли в русском языке слово «идиёт?» и «По каким принципам определяется понятие о неприличной форме высказываний?». Доцент КамГУ имени Витуса Беринга Анастасия Скорик, выступившая в качестве эксперта, выдала умопомрачительный вывод: слово «идиот» – неприличное, и употреблять его преступно.

На восьми страницах кандидат филологических наук мотивировала свое мнение. Полистав словари, она подчеркнула, что там «слова, использующиеся в качестве оскорбительных, имеют специальные пометы: бранное, вульгарное или грубое». Слово «идиот», как установила Анастасия Скорик, имеет несколько значений. Это человек, страдающий слабоумием, либо болван, дурак, тупица. А с точки зрения действовавшего тогда уголовного права, даже если человек, задающий соискательницам рабочих мест

неприличные вопросы, действительно был неадекватен, назвать вещи своими именами – преступление.

Именно поэтому, как пояснили в УМВД РФ по Камчатскому краю, рассчитывать на оправдание Евгений Федорко не может. Закон не имеет обратной силы. То, что было запрещено два с половиной года назад, остается наказуемым деянием, даже если впоследствии эта норма УК утратила силу. Но вопрос, почему в нарушение всех процессуальных сроков жалоба правозащитника осталась без ответа, повис в воздухе. Ответить на него полицейские не смогли. Или не захотели.

Возможно, обет молчания правоохранителей объясняется тем, что они, в отличие от судебных приставов, не желают позорить на всю планету честь мундира невразумительными обвинениями. Рассчитывают, что как-нибудь все рассосется само по себе. Тем временем Евгений Федорко продолжает добиваться своего полного оправдания.

Кто виноват?

Чем же Владимир Чечиков, приговором суда признанный преступником, и фактически укравший у своих работодателей миллионы, заслужил уважение и заступничество, как подчиненных, так и руководителей? Почему федеральное госпредприятие, чей карман он облегчил, не просто вновь берет его на работу, но и повышает в должности? Разве это не идиотизм?

Во время предварительной проверки, ставшей основанием для возбуждения в отношении Чечикова уголовного дела, правозащитник предоставил сотрудникам камчатского УМВД материалы, подтвердившие факты хищения главным местным почтальоном денежных средств, как путем создания «мертвых душ», так и при ремонте и строительстве отделений почтовой связи.

«В результате, все мои факты полицейские процессуально оформили, и выяснилось, что под руководством Чечикова сложилась организованная группа мошенников, которые путем приписок при проведении ремонтных и строительных работ похитили десятки миллионов рублей», – рассказывает Евгений Федорко.

По его словам, установлено, что в почтовых отделениях Петропавловска, Вилючинска, а также Елизовского, Мильковского, Быстринского, Усть-Камчатского, Тигильского, Карагинского и Олюторского районов ремонт и строительство либо вообще не производились, либо производились со значительным занижением сметы. И деньги за то, что сделано лишь на бумаге, «Почта России» выплачивала в полном объеме.

Суть ответа из краевого полицейского управления такова: факты злоупотреблений при ремонте и строительстве почтовых отделений подтвердились, однако новое уголовное дело возбуждено не будет из-за отсутствия заявления потерпевшего. Руководство «Почта России», по только ему известным причинам, может не считать свое предприятие обкраденным.

Разве это не идиотизм?

Или идиоты те полицейские, кто позволяет таким вот чечиковым воровать, ссылаясь на отсутствие заявления от потерпевшей стороны? Если камчатские полицейские и дальше будут идиотствовать, то придется изъять и запретить бессмертный роман Федора Достоевского «Идиот». Дурно влияет на воспитание россиян и русский язык. Вот до

чего довел российскую словесность Евгений Федорко – до классического русского тупика: «Что делать?» Ответ прост- постараться не быть идиотами.

Дмитрий ЧЕРНОВ.